

Занятие 5

Художественная речь

Выразительно-изобразительные возможности языка

1. Лексика и стилистика

Анализируя тексты художественной литературы, чаще всего выделяют три среза лексики:

- нейтральная
- возвышенная
- сниженная

Ф. И. Тютчев

Я очи знал, — о, эти очи!
Как я любил их — знает бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслажденье, утомленный,
И, как страданья, роковой.

И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

Б. Пастернак

У людей пред праздником уборка.
В стороне от этой толчеи
Обмываю миром из ведёрка
Я стопы́ пречистые Твои.

Шарю и не нахожу сандалий.
Ничего не вижу из-за слёз.
На глаза мне пеленой упали
Пряди распустившихся волóс.

Хлёстова

Легко ли в шестьдесят пять лет
Тащиться мне к тебе, племянница?..
мученье!
Час битый ехала с Покровки, силы нет;
Ночь — света преставленье!
От скуки я взяла с собой
Арапку-девку да собачку, —
Вели их накормить, ужо, дружочик мой;
От ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте!

М. Горький «На дне»

Квашня. Чтобы я, — говорю, — свободная женщина, сама себе хозяйка, да кому-нибудь в паспорт вписалась, чтобы я мужчине в крепость себя отдала — нет! Да будь он хоть принц американский, — не подумаю замуж за него идти.

Клещ. Врешь!

Квашня. Чего-о?

Клещ. Врешь! Обвенчаешься с Абрамкой...

Барон (*выхватив у Настя книжку, читает название*). «Роковая любовь»... (Хохочет.)

Настя (*протягивая руку*). Дай... отдай! Ну... не балуй!

Барон смотрит на нее, помахивая книжкой в воздухе.

Квашня (*Клещу*). Козел ты рыжий! Туда же — врешь! Да как ты смеешь говорить мне такое дерзкое слово?

Барон (*ударяя книгой по голове Настю*). Дура ты, Настька...

Настя (*отнимает книгу*). Дай...

Клещ. Велика барыня!.. А с Абрамкой ты обвенчаешься... только того и ждешь...

Квашня. Конечно! Еще бы... как же! Ты вон заездил жену-то до полусмерти...

Клещ. Молчать, старая собака! Не твое это дело...

Квашня. А-а! Не терпишь правды!

Моцарт

Представь себе... кого бы?
Ну, хоть меня — немного помоложе;
Влюбленного — не слишком, а слегка
—
С красоткой, или с другом — хоть с
тобой,
Я весел... Вдруг: виденье гробовое,
Незапный мрак иль что-нибудь
такое...
Ну, слушай же.

(Играет.)

Сальери

Ты с этим шел ко мне
И мог остановиться у трактира
И слушать скрипача слепого! — Боже!
Ты, Моцарт, недостойн сам себя.

Моцарт

Что ж, хорошо?

Сальери

Какая глубина!
Какая смелость и какая стройность!
Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь;
Я знаю, я.

Моцарт

Актуальные для анализа пласты лексики:

Архаизмы — устаревшие слова, вытесненные из живого современного языка синонимами (чело – лоб, перст – палец, трапеза – еда). Большинство архаизмов относится к возвышенной лексике и выполняет все ее функции, и кроме того используются для воссоздания исторического колорита эпохи.

Историзмы — слова, вышедшие из употребления, потому что утратились соответствующие понятия (опричник, стольник).

М. Ю. Лермонтов

Не сияет на небе солнце красное,
Не любуются им тучки синие:
То за **трапезой** сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич.
Позади его стоят **стольники**,
Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё **опричники**;
И пирует царь во славу божию,
В удовольствие свое и веселие.

Неологизмы – слова, употребленные впервые или недавно вошедшие в язык.

Различаются неологизмы **лексические** и **семантические**.

Лексические неологизмы – это слова, вновь образованные или заимствованные («внеземной», «дизайнер», «интернет»).

Семантические неологизмы – это известные слова, которые приобрели новые значения («спутник» – в значении «искусственный спутник Земли»; «бомбардир» – «член спортивной команды, отлично играющий в нападении», «сеть» – «онлайн-платформа, которую люди используют для общения, создания социальных отношений с другими людьми, которые имеют схожие интересы»). Эти именованья в определенный период прошли стадию необычного, качественно нового употребления, а затем были усвоены говорящими и пишущими.

Аав Ааронов

Оцифрована, околдована,

С интернетом навеки повенчана,

Я сижу к монитору прикована,

А ведь вроде бы взрослая женщина...

То весёлая, то печальная,

В сеть с четвёртого раза зашедшая,

Я не то, чтоб совсем ненормальная,

Но немного уже... сумасшедшая...

Авторские неологизмы можно найти почти у всех классиков русской литературы:

широкошумные дубровы (А. Пушкин), звучно-мерные шаги (М. Лермонтов), громокипящий кубок (Ф. Тютчев), удилозакусный (И. Тургенев), светлосмейный (А. Блок), стихокрад (М. Горький), свежеобруганный (Л. Леонов), березь, цветъ (С. Есенин), звонкокопытый (А. Фадеев), будетелянин (В. Хлебников)

В. Г. Бенедиктов

Русь – отчизна дорогая!
Никому не уступлю:
Я люблю тебя, родная,
Крепко, пламенно люблю.

В духе воинов-героев,
В бранном мужестве твоём
И в смиренье после боев –
Я люблю тебя во всем:

В снеговой твоей природе,
В православном алтаре,
В нашем доблестном народе,
В нашей бабушке-царе,

И в твоей святыне древней,
В лоне храмов и гробниц,
В дымной, сумрачной деревне
И в сиянии столиц,

В крепком сне на жестком поже

XIV

Но вот толпа заколебалась,
По зале шепот пробежал...
К хозяйке дама приближалась,
За нею важный генерал.
Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Всё тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut... (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.)

XV

К ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялись ниже.

В. И. Белов «Привычное дело»

-- Парме-ен? Это где у меня Парменко-то? А вот он, Парменко. Замерз? Замерз, парень, замерз. Дурачок ты, Парменко. Молчит у меня Парменко. Вот, ну-ко мы домой поедем. Хошь домой-то? Пармен ты, Пармен...

Иван Африканович еле развязал замерзшие вожжи.

-- Ты вот стоял? Стоял. Ждал Ивана Африкановича? Ждал, скажи. А Иван Африканович чего делал? А я, Пармеша, маленько выпил, выпил, друг мой, ты уж меня не осуди. Да, не осуди, значит. А что, разве русскому человеку и выпить нельзя? Нет, ты скажи, можно выпить русскому человеку? Особенно ежели он сперва весь до кишков на ветру промерз, после проголодался до самых костей? Ну, мы, значит, и выпили по мерзавчику. Да. А Мишка мне говорит: "Чего уж, Иван Африканович, от одной только в ноздре разъело. Давай, -- говорит, -- вторительную". Все мы, Парменушко, под сельпом ходим, ты уж меня не ругай. Да, милой, не ругай. А ведь с какого места все дело пошло?

А пошло, Пармеша, с сегодняшнего утра, когда мы с тобой посуду пустую сдавать повезли. Нагрузили да и повезли. Мне продавщица грит: "Свези, Иван Африканович, посуду, а обратно товару привезешь. Только,-- грит,-- накладную-то не потеряй". А когда это Дрынов накладную терял? Не терял Иван Африканович накладную. "Вон,-- говорю,-- Пармен не даст мне соврать, не терял накладную". Свезли мы с тобой посуду? Свезли! Сдали мы ее, курву? Сдали! Сдали и весь товар в наличности получили! Так это почему нам с тобой выпить нельзя? Можно нам выпить, ей-богу, можно. Ты, значит, у сельпа стоишь, у высокого-то крылечка, а мы с Мишкой. Мишка. Этот Мишка всем Мишкам Мишка. Я те говорю. Дело привычное. "Давай, -- говорит, --

В. Высоцкий Честь шахматной короны

Друг мой футболист учил: «Не бойся —
Он к таким партнёрам не привык.
Ты за тылы и центр не беспокойся,
А играй по краю — напрямик!..»

Ну, я налёг на бег, на стометровки,
Я в бане вес согнал, отлично сплю,
Были по хоккею тренировки...
Ну, в общем, после этой подготовки —
Да я его без мата задавлю!

Ох вы, сильные ладони,
Мышцы крепкие спины!
Эх вы, кони мои, кони,
Ох вы, белые слоны!

«Не спеши и, главное, не горбись», —
Так боксёр беседовал со мной.
«Ты, — говорит, — в ближний бой не лезь,
работай в корпус,
И помни, что коронный твой — прямой».

«Подобно тому, как одежда, сперва изобретенная для защиты от холода, впоследствии стала применяться также и для украшения тела и как знак отличия, так и метафорические выражения, введенные из-за недостатка слов стали во множестве применяться ради услаждения».

Цицерон

Важнейшую роль в художественной речи играют **тропы** – слова и выражения, употребленные в прямом и переносном значении. Тропы создают *иносказательную образность*, когда образ возникает из сближения одного предмета или явления с другим. В этом и состоит наиболее общая *функция* всех тропов – *отражать способность человека мыслить по аналогии*, подчеркивая целостность и единство окружающего мира. При этом художественный эффект тропа, как правило, тем сильнее, чем дальше отстоят друг от друга

А. С. Пушкин

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потоплённые луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея блещут небеса.

Ещё прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

Э. А. Рязанов

У природы нет плохой погоды —
Каждая погода благодать.
Дождь ли снег — любое время года
Надо благодарно принимать,

Отзвуки душевной непогоды,
В сердце одиночества печать,
И бессонниц горестные восходы
Надо благодарно принимать,

Смерть желаний, годы и невзгоды —
С каждым днем все непосильней кладь,
Что тебе назначено природой
Надо благодарно принимать.

Смену лет, закаты и восходы,
И любви последней благодать,
Как и дату своего ухода
Надо благодарно принимать,

У природы нет плохой погоды,
Ход времен нельзя остановить.
Осень жизни, как и осень года,
Надо, не скорбя, благословить.

А. С. Пушкин
**Стихи, сочинённые ночью
во время бессонницы**

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздаётся близ меня,
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шёпот?
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовёшь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

1830

А. А. Блок

Здесь в сумерки в конце зимы
Она да я — лишь две души.
«Останься, дай посмотрим мы,
Как месяц канет в камыши».
Но в лёгком свисте камыша,
Под налетевшим ветерком,
Прозрачным синеньким ледком
Подернулась её душа...
Ушла — и нет другой души,
Иду, мурлычу: тра-ля-ля...
Остались: месяц, камыши,
Да горький запах миндаля.

27 марта 1909

В. С. Высоцкий

Дорогая передача,
Во субботу, чуть не плача,
Вся Канатчикова дача
К телевизору рвалась.
Вместо чтоб поесть, помыться,
Уколотся и забыться,
Вся безумная больница
У экрана собралась.
Говорил, ломая руки,
Краснобай и баламут
Про бессилие науки
Перед тайною Бермуд.
Все мозги разбил на части,
Все извилины заплёл,
И канатчиковы власти
Колют нам второй укол.

И. Бродский

Ты знаешь, с наступленьем темноты
пытаюсь я прикидывать на глаз,
отсчитывая горе от версты,
пространство, разделяющее нас.

И цифры как-то сходятся в слова,
откуда приближаются к тебе
смятение, исходящее от А,
надежда, исходящая от Б.

Два путника, зажав по фонарю,
одновременно движутся во тьме,
разлуку умножая на зарю,
хотя бы и не встретившись в уме.

И. С. Тургенев «Певцы»

Был невыносимо жаркий июльский день, когда я, медленно передвигая ноги, вместе с моей собакой поднимался вдоль Колотовского оврага в направлении Притынного кабачка. Солнце разгоралось на небе, как бы свирепея; парило и пекло неотступно; воздух был весь пропитан душной пылью. Покрытые лоском грачи и вороны, разинув носы, жалобно глядели на проходящих, словно прося их участия; одни воробьи не горевали и, распуша перышки, еще яростнее прежнего чирикали и дрались по заборам, дружно взлетали с пыльной дороги, серыми тучками носились над зелеными конопляниками. Жажда меня мучила. Воды не было близко: в Колотовке, как и во многих других степных деревнях, мужики, за неимением ключей и колодцев, пьют какую-то жидкую грязцу из пруда... Но кто же назовет это отвратительное пойло водою?

Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос: он был слегка разбит и звенел, как надтреснутый; он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нем была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. Песнь росла, разливалась. Яковом, видимо, овладевало упоение: он уже не робел, он отдавался весь своему счастью; голос его не трепетал более — он дрожал, но той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя, и беспрестанно крепчал, твердел и расширялся. Помнится, я видел однажды, вечером, во время отлива, на плоском песчаном берегу моря, грозно и тяжело шумевшего вдали, большую белую чайку: она сидела неподвижно, подставив шелковистую грудь алому сиянию зари, и только изредка медленно расширяла свои длинные крылья навстречу знакомому морю, навстречу низкому, багровому солнцу: я вспомнил о ней, слушая Якова. Он пел, совершенно позабыв и своего соперника, и всех нас, но, видимо, поднимаемый, как бодрый пловец волнами, нашим молчаливым, страстным участием. Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль.

Городничий. ...говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно.

Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения — и потому вы сделайте так, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он ученая голова — это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-Богу! Сбежал с кафедры и что силы есть хватить стулом об пол. Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Бобчинский и Добчинский. *...оба говорят скороговоркою*

Позвольте, позвольте: я все по порядку. Как только имел я удовольствие выйти от вас после того, как вы изволили смутиться полученным письмом, да-с, — так я тогда же забежал... уж, пожалуйста, не перебивайте, Петр Иванович! Я уж все, все, все знаю-с. Так я, вот изволите видеть, забежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашел вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем...

Хлестаков. ...*Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно.*

(защищая рукою кушанье). Ну, ну, ну... оставь, дурак! Ты привык там обращаться с другими: я, брат, не такого рода! со мной не советую... *(Ест.)* Боже мой, какой суп! *(Продолжает есть.)* Я думаю, еще ни один человек в мире не едал такого супу: какие-то перья плавают вместо масла. *(Режет курицу.)* Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Там супу немного осталось, Осип, возьми себе. *(Режет жаркое.)* Что это за жаркое? Это не жаркое.

2. Синтаксис и интонация

В синтаксисе воплощаются, опредмечиваются интонации звучащего слова.

Кроме индивидуальных синтаксических приемов, которые применяются писателями, существует набор так называемых **синтаксических фигур** – устойчивых приемов синтаксического построения той или иной части текста. Все они обладают способностью повышать выразительность текста и усиливать его воздействие на читателя.

эпитет, различные виды повторов, антитеза, восклицание, риторический вопрос, риторическое восклицание, градация, бессоюзие, многосоюзие, инверсия и др.

Евангелие от Матфея. Гл. 2

- 1 Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят:
- 2 где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему.
- 3 Услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним.
- 4 И, собрав всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу?
- 5 Они же сказали ему: в Вифлееме Иудейском, ибо так написано через пророка:
- 6 и ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля.
- 7 Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды
- 8 и, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему.
- 9 Они, выслушав царя, пошли. И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец.
- 10 Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою,
- 11 и, войдя в дом, увидели Младенца с Мариєю, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну.
- 12 И, получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою.

Евангелие от Луки. Гл. 2

- 1 В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле.
- 2 Эта перепись была первая в правление Квириния Сириею.
- 3 И пошли все записываться, каждый в свой город.
- 4 Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова,
- 5 записаться с Мариєю, обрученною ему женою, которая была беременна.
- 6 Когда же они были там, наступило время родить Ей;
- 7 и родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице.
- 8 В той стране были на поле пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего.
- 9 Вдруг предстал им Ангел Господень, и слава Господня осияла их; и убоялись страхом великим.
- 10 И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям:

- 11 ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь;
- 12 и вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях.
- 13 И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее:
- 14 слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!
- 15 Когда Ангелы отошли от них на небо, пастухи сказали друг другу: пойдем в Вифлеем и посмотрим, что́ там случилось, о чем возвестил нам Господь.
- 16 И, поспешив, пришли и нашли Марию и Иосифа, и Младенца, лежащего в яслях.
- 17 Увидев же, рассказали о том, что́ было возвещено им о Младенце Сем.
- 18 И все слышавшие дивились тому, что́ рассказывали им пастухи.
- 19 А Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем.
- 20 И возвратились пастухи, славя и хваля Бога за всё то́, что слышали и видели, как им сказано было.

3. Стих и проза

С синтаксическим и интонационным строем художественного текста связана его ритмическая и темповая организация.

Наибольшей степенью ритмичности обладает *стихотворная* речь – ритмически упорядоченная и организованная. Однако свой ритм есть и в *прозе*.

Достигается эта ритмичность за счет приблизительной соразмерности колонов (*колон* – интонационная единица прозаической речи, отрезок между двумя паузами), обусловленной синтаксическим строением текста, а также ритмическими повторами.

Булгаков

В белом плаще с кровавым подбоем, // шаркающей кавалерийской походкой, // ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана // в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого // вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат.

Тургенев

Во дни сомнений, // во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, // — ты один мне поддержка и опора, // о великий, // могучий, // правдивый и свободный русский язык!
Не будь тебя // — как не впасть в отчаяние при виде всего, // что совершается дома? // Но нельзя верить, // чтобы такой язык не был дан великому народу!

У каждого метра есть своя душа, свои особенности и задачи: ямб, как бы спускающийся по ступеням (ударяемый слог по тону ниже неударяемого), свободен, ясен, тверд и прекрасно передает человеческую речь, напряженность человеческой воли. Хорей, поднимающийся, окрыленный, всегда взволнован и то растроган, то смешлив, его область — пение. Дактиль, опираясь на первый ударяемый слог и качая два неударяемые как пальма свою верхушку, мощен, торжественен, говорит о стихиях в их покое, о деяниях богов и героев. Анапест, его противоположность, стремителен, порывист, это стихии в движении, напряженье нечеловеческой страсти. И амфибрахий, их синтез, баюкающий и прозрачный, говорит о покое божественно легкого и мудрого бытия.

Н.С. Гумилев. О стихотворных переводах. 1919.

А. П. Чехов «Дама с собачкой»

Вошла и Анна Сергеевна. Она села в третьем ряду, и когда Гуров взглянул на нее, то сердце у него сжалось, и он понял ясно, что для него теперь на всем свете нет ближе, дороже и важнее человека; она, затерявшаяся в провинциальной толпе, эта маленькая женщина, ничем не замечательная, с вульгарною лорнеткой в руках, наполняла теперь всю его жизнь, была его горем, радостью, единственным счастьем, какого он теперь желал для себя; и под звуки плохого оркестра, дрянных обывательских скрипок, он думал о том, как она хороша. Думал и мечтал.

4. Речевая организация произведения

Образ повествователя – особый образ в структуре произведения, основное средство создания этого образа – присущая ему речевая манера, за которой просматривается определенный характер, способ мышления.

Н. В. Гоголь

А какой богомольный человек Иван Иванович! Каждый воскресный день надевает он бекешу и идет в церковь. Взошедши в нее, Иван Иванович, раскланявшись на все стороны, обыкновенно помещается на крылосе и очень хорошо подтягивает басом. Когда же окончится служба, Иван Иванович никак не утерпит, чтоб не обойти всех нищих. Он бы, может быть, и не хотел заняться таким скучным делом, если бы не побуждала его к тому природная доброта.

— Здорово, небого! — обыкновенно говорил он, отыскавши самую искалеченную бабу, в изодранном сшитом из заплат платье. — Откуда ты, бедная?

— Я, паночку, из хутора пришла: третий день, как не пила, не ела, выгнали меня собственные дети.

— Бедная головушка, чего ж ты пришла сюда?

— А так, паночку, милостыни просить, не даст ли кто-нибудь хоть на хлеб.

— Гм! что ж, тебе разве хочется хлеба? — обыкновенно спрашивал Иван Иванович.

— Как не хотеть! голодна, как собака.

— Гм! — отвечал обыкновенно Иван Иванович. — Так тебе, может, и мяса хочется?

— Да все, что милость ваша даст, всем буду довольна.

— Гм! разве мясо лучше хлеба?

— Где уж голодному разбирать. Все, что пожалуете, все хорошо.

При этом старуха обыкновенно протягивала руку.

— Ну, ступай же с Богом, — говорил Иван Иванович. — Чего ж ты стоишь? ведь я тебя не бью! — и, обратившись с такими расспросами к другому, к третьему, наконец возвращается домой или заходит выпить рюмку водки к соседу Ивану Никифоровичу, или к судье, или к городничему.

Н. В. Гоголь

Увы! толстые умеют лучше на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие. Тоненькие служат больше по особенным поручениям или только числятся и виляют туда и сюда; их существование как-то слишком легко, воздушно и совсем ненадежно. Толстые же никогда не занимают косвенных мест, а все прямые, и уж если сядут где, то сядут надежно и крепко, так что скорей место затрещит и угнется под ними, а уж они не слетят.

Но не таков удел, и другая судьба писателя, дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи, — всю страшную, потрясающую тьму мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога, и крепкою силою неумолимого резца дерзнувшего выставить их выпукло и ярко на всенародные очи! Ему не собрать народных рукоплесканий, ему не зреть признательных слез и единоплеменного восторга взволнованных им душ; к нему не полетит навстречу шестнадцатилетняя девушка с закружившеюся головою и геройским увлечением...

М. А. Булгаков

1. Первый на ходу показал Никанору Ивановичу документик, а второй в эту же минуту оказался стоящим на табуретке в уборной, с рукою, засунутой в вентиляционный ход. В глазах у Никанора Ивановича потемнело, газету сняли, но в пачке оказались не рубли, а неизвестные деньги, не то синие, не то зеленые, и с изображением какого-то старика. Впрочем, все это Никанор Иванович разглядел неясно, перед глазами у него плавали какие-то пятна.
2. Горькая нежность поднялась к сердцу мастера, и, неизвестно почему, он заплакал, уткнувшись в волосы Маргариты. Та, плача, шептала ему, и пальцы ее прыгали на висках мастера.
3. Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна успокоит его.
4. И сейчас же с площадки сада под колонны на балкон двое легионеров ввели и поставили перед креслом прокуратора человека лет двадцати семи. Этот человек был одет в старенький и разорванный голубой хитон. Голова его была прикрыта белой повязкой с ремешком вокруг лба, а руки связаны за спиной. Под левым глазом у человека был большой синяк, в углу рта - ссадина с запекшейся кровью. Приведенный с тревожным любопытством глядел на прокуратора.

Повествовательные формы:

- от первого лица (разновидность: имитация дневников и писем)
- от третьего лица
- несобственно-прямая речь

Повествователей разделяют на **персонифицированных** (одно из действующих лиц, имеющих атрибуты литературного персонажа: имя, возраст, наружность, участие в действии) и **неперсонифицированных** (условная фигура, субъект повествования за границами изображенного мира).

В зависимости от выраженности речевой манеры **повествователей** разделяют на типы:

– **нейтральная** (Тургенев, Чехов; по своей концепции действительности повествователь близок автору);

– повествование **с выраженной речевой манерой**, с элементами экспрессивной стилистики, со своеобразным синтаксисом («Нос» Гоголя, «История одного города» Щедрина и др.). Соответствия между позицией автора и позицией повествователя сложны и многоплановы, иногда противоположны («Станционный смотритель» Пушкина);

– **повествование-стилизация**, с ярко выраженной речевой манерой, в которой обычно нарушаются нормы литературной речи. Разновидностью такого повествования является *сказ* (А. Платонов, Н. Гоголь «Вечера на хуторе...»),

Н. Лесков, П. Бажов, М. Зощенко).

Общие свойства художественной речи. Речевые доминанты произведения

1. *Прозаическая или стихотворная.*

2. *Монологизм и разноречие.*

Монологизм предполагает единую речевую манеру для всех героев, *разноречие* – освоение разнокачественности речевых манер, речевой мир становится объектом изображения (2 разновидности: взаимно изолированные («Кому на Руси жить хорошо» Некрасова) и взаимодействующие (романы Толстого, Тургенева, Достоевского).

3. *Номинативность и риторичность.*

Номинативность предполагает акцент на точности художественного слова при использовании нейтральной лексики, простых синтаксических конструкций, отсутствии тропов; внимание направлено на объект изображения («Капитанская дочка» Пушкина, «Дама с собачкой» Чехова)

Риторичность использует в большом количестве средства лексической выразительности (возвышенную и сниженную лексику, архаизмы и неологизмы и проч.), тропы и синтаксические фигуры; внимание направлено на изображающее объект слово (Лесков).

Евангелие от Матфея. Глава 27

11 Иисус же стал пред правителем. И спросил Его правитель: Ты Царь Иудейский? Иисус сказал ему: ты говоришь.

12 И когда обвиняли Его первосвященники и старейшины, Он ничего не отвечал.

13 Тогда говорит Ему Пилат: не слышишь, сколько свидетельствуют против Тебя?

14 И не отвечал ему ни на одно слово, так что правитель весьма дивился.

15 На праздник же Пасхи правитель имел обычай отпускать народу одного узника, которого хотели.

16 Был тогда у них известный узник, называемый Варавва;

17 итак, когда собрались они, сказал им Пилат: кого хотите, чтобы я отпустил вам: Варавву, или Иисуса, называемого Христом?

18 ибо знал, что предали Его из зависти.

19 Между тем, как сидел он на судейском месте, жена его послала ему сказать: не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него.

20 Но первосвященники и старейшины возбудили народ просить Варавву, а Иисуса погубить.

21 Тогда правитель спросил их: кого из двух хотите, чтобы я отпустил вам? Они сказали: Варавву.

22 Пилат говорит им: что же я сделаю Иисусу, называемому Христом? Говорят ему все: да будет распят.

23 Правитель сказал: какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее кричали: да будет распят.

24 Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы.

25 И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших.

26 Тогда отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие.

Евангелие от Луки. Гл. 23

1 И поднялось все множество их, и повели Его к Пилату,

2 и начали обвинять Его, говоря: мы нашли, что Он развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю, называя Себя Христом Царем.

3 Пилат спросил Его: Ты Царь Иудейский? Он сказал ему в ответ: ты говоришь.

4 Пилат сказал первосвященникам и народу: я не нахожу никакой вины в этом человеке.

5 Но они настаивали, говоря, что Он возмущает народ, уча по всей Иудее, начиная от Галилеи до сего места.

6 Пилат, услышав о Галилее, спросил: разве Он Галилеянин?

7 И, узнав, что Он из области Иродовой, послал Его к Ироду, который в эти дни был также в Иерусалиме.

8 Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался, ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем, и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо,

9 и предлагал Ему многие вопросы, но Он ничего не отвечал ему.

10 Первосвященники же и книжники стояли и усиленно обвиняли Его.

11 Но Ирод со своими воинами, уничивив Его и насмеявшись над Ним, одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату.

12 И сделались в тот день Пилат и Ирод друзьями между собою, ибо прежде были во вражде друг с другом.